

УДК 821.161.1

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ 30–40-Х ГОДОВ XIX ВЕКА И ПРОБЛЕМА ПОСТУПКА

Николаев Н.И., Швецова Т.В.

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Северодвинск, e-mail: sev.litera@narfu.ru*

Интеллектуальное напряжение, которое ощущается в русской литературе в 30–40-е годы XIX века, условно обозначено в статье как атмосфера «ожидания героя». Современный литературный герой становится предметом широкой полемики. «Ожидание героя» – это такое состояние, когда ни литераторы, ни критика не могут внятно ответить на вопрос: «кто он – современный герой?», а писатели пытаются не столько представить, сколько вычислить его. Русский литературный герой, актуализированный в 30–40-е годы XIX века, являет собой утверждение невозможности поступка, неопределенности и неопределимости своего места в событии бытия. Но исторические причины кризиса поступка в русской литературе эпохи не в самом новом герое, а в стремительно меняющейся архитектонике мира, в котором должен был реализовать себя его поступок. Именно этот глубокий и совершенно не описанный еще тектонический процесс образовал «бездну между мотивом поступка и его продуктом» (М.М. Бахтин) – явление, которое обнаружило себя на поверхности, в том числе в напряженной «атмосфере ожидания героя», характеризующей литературную ситуацию эпохи.

Ключевые слова: русская литература 19 века, «архитектоника мира поступка», герой русской литературы

RUSSIAN LITERARY HERO 30–40-IES OF THE XIX CENTURY AND THE PROBLEM OF THE ACT

Nikolaev N.I., Shvetsova T.V.

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Severodvinsk, e-mail: sev.litera@narfu.ru*

In the given article the intellectual tension felt in the Russian literature of 1930–1940s is symbolically designated as the atmosphere of «waiting for a hero». The contemporary literature hero became an object of a wide polemics. «Waiting for a hero» is the state when neither men of letters, nor critics can answer the question «who is the contemporary hero» definitely, and the writers try even not to imagine, but to figure him out. Russian literature hero, actualized in the 1930–1940s, became an assertion of impossibility of an act, uncertainty and insuperability of his place in the events of the being. But the historical reasons for the deed crisis in Russian literature of the epoch aren't hidden in the new hero himself, but in the rapidly changing architectonics of the world, in which the hero's deed must have been realized. It's the deep and not yet described tectonic process that have formed «the abyss between the act's motive and its product» (M.M. Bakhtin) – a phenomenon that has shown itself on the surface, realizing in the strained «atmosphere of waiting for a hero», characterizing the situation in literature of the epoch.

Keywords: Russian literature of the XIX century, «the architectonics of the world of the act», the hero of Russian literature

Проблема героя в русском литературно-критическом осмыслении до 40-х годов XIX столетия не заявляла о себе столь остро, как в это время. Не возникало никакой полемики о герое в эпоху русского Средневековья. Эпоха классицизма не могла породить подобной полемики, поскольку герой ее был «преднайдён» и задан идеалами античности. В литературе XVIII века вообще существовало четкое деление персонажей на положительных и отрицательных с определенным строгим набором свойств. Классицистское искусство несло в себе достаточно четкие представления об эталонном злодее, а также об эталоне добродетельного, положительного героя. Для сентиментальной литературы истинный герой – непременно «чувствительный», а не «холодный», как его антипод. И для спора здесь не оставалось никаких оснований. Н.М. Карамзин вполне допускает рассуждение о том, каким должен быть автор ли-

тературного произведения (ср.: его известные публицистические статьи «Что нужно автору!», «Отчего в России мало авторских талантов!»), в то время как с параметрами героя у него, по-видимому, нет проблем. Не испытывала подобных проблем и эпоха русского романтизма, сосредоточившая внимание на исключительной личности.

Естественно, смена литературных направлений влекла за собой изменение концепции героя. Но при этом, скажем, карамзинский Фрол Силин никак не нарушал идеалов героев «Россиады» и тем более героев русской средневековой агиографии. Он в них либо нечто уточнял, либо занимал совершенно свободную по отношению к ним нишу.

Ситуация коренным образом изменилась в 30–40-е годы XIX столетия.

Ап. Григорьев в ходе обзора русской литературы после смерти А.С. Пушкина между прочим заметил: «Но мы бы были

народ весьма не щедро наделенный природою, если бы героями нашими были Иван Петрович Белкин и Максим Максимыч. Тот и другой вовсе не герои, а только контрасты типов, которых величие оказалось на нашу душевную мерку несостоятельным» [5. Т. 2. 71]. Иными словами, типичные для русской литературы контрастные пары, скажем, Сильвио и Белкин или Печорин и Максим Максимович, взаимодополняются и взаимораскрываются, но не проясняют концепции русского героя, поскольку не несут в себе его черт.

И далее у Ап. Григорьева: «Белкин пушкинский есть простой здравый толк и здравое чувство, кроткое и смиренное, – вопиющий законно против злоупотребления нами нашей широкой способности понимать и чувствовать: стало быть, начало только отрицательное, – правое только как отрицательное, ибо представьте его самому себе – оно перейдет в застой, мертвящую лень, хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова» [5. Т. 2. С. 71]. Довольно резко сказано, но направление мысли очевидно. Выпавший из системы идейных противостояний Белкин скорее обнаружит нравственное падение, нежели укрепитя в добродетели. Но ведь и то, что противостояет ему, полярно, противоположно, являет, по Ап. Григорьеву, «несостоятельное величие».

О герое рассуждает В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1843»: «Теперь выходят из моды герои добродетели и чудовища злодейства, – пишет он, – ибо ни те, ни другие не составляют массы общества. Вместо их действуют люди обыкновенные, каких больше всего на свете, – ни злые, ни добрые, ни глупые, по большей части положительно необразованные, положительно невежды, но отнюдь не дураки. Их смешное заключается в противоречии их слов с делами, в лицемерном и превратном смысле, в каком они говорят о добродетели, о бескорыстии, о благонамеренности» [3. Т. VIII. С. 85].

Это уже иная оценка все той же ситуации с героем. По В.Г. Белинскому, его нет, потому что старая оппозиция «героя и злодея» распалась, и ее место заняло нечто недифференцированное, аморфное с точки зрения отношения к идеалам.

Н.А. Полевой в разборе «Мертвых душ» Гоголя обмолвился: «Вам скучны прежние герои искусства, – но покажите же нам человека и людей, да, человека, а не мерзавцев, не чудовище, людей, а не толпу мошенников и негодяев. Иначе лучше примемся мы за прежних героев, которые иногда скучны, но не возмущают, по крайней мере, на-

шей души, не оскорбляют нашего чувства. Изобразить человека с его добром и злом, мыслью неба и жизнью земли, примирить для нас видимый раздор действительности изящною идеею искусства, постигшего тайну жизни, – вот цель художника; но к ней ли устремлены «Герой нашего времени» и «Мертвые души»? <...> похожи ли ваши грязные карикатуры на создания высокого гумора Шекспирова, на исполинские образы Виктора Гюго (мы говорим об его *Notre Dame de Paris*), на многосторонние создания Гете?» [8. С. 346]. Автор популярного перевода «Гамлета» Шекспира в России еще раз подтвердил образовавшуюся пустоту на месте героического (эпического) характера в русской литературе 30–40-х годов XIX столетия.

Все эти рассуждения современников – лишнее свидетельство того, что русская литература переживает глубокие структурные перемены. В новой зарождающейся системе смысловых отношений жесткая оппозиция идеального и порочного представляется грубой, наивной, неадекватной новому веку, а то, что здесь предстает в своей полярной противоположности друг другу не несет в себе черт идеального, не совпадает с представлением о статусе героя. Отсутствие его все более и более становится не характеристикой какого-то конкретного произведения, а характеристикой жизни, на изображение которой нацелено художественное произведение.

О романе Н. Кукольника, создание которого приходится на 40-е годы, у В.Г. Белинского находим такой отзыв: ««Эвелина де Вальероль» читается легко и весело, потому что в ней много внешнего интереса, бездна эффектов, толпа лиц, из которых лицо Гарпиона даже похоже на характер. Героя в романе нет ни одного, а героев много...» [4. Т. V. С. 580].

Ссылка на отсутствие героя в русской критике становится почти повсеместной и навязчивой. Именно в этой атмосфере, исподволь в литературе начинают формироваться вопросы: кто герой и какой он, каким он должен стать, чтобы соответствовать национальному мироощущению и традициям?

Именно это состояние литературной атмосферы, насыщенной такого рода сформулированными и несформулированными вопросами о герое, характеризуется нами как «ожидание героя». При этом совершенно очевидно, что героя не просто «не случилось» в этот момент в русской литературе, его в принципе не могло быть, его не предполагала вся выстраиваемая система новых смысловых отношений. Он не вписывался

в эту систему, но в нее вполне вписывался сам вопрос о нем, остающийся без ответа. Такой вопрос оттенял своеобразие новой системы и поэтому был элементом ее несущей конструкции.

Литература и общество живут в «предчувствии», ожидании героя. В настроении предчувствия героя создавал свои произведения А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, А.И. Герцен, И.А. Гончаров, Н. Кукольник, В.И. Даль и др. «Ожидание героя» – это такое состояние, когда авторы не знают и не могут знать, кто он есть, и откровенно пытаются не столько представить, сколько вычислить его.

М.Е. Салтыков-Щедрин как-то заметил, что подобный «безгеройный» этап в русской литературе был необходим, чтобы перейти на следующую ступень. «Уяснение типа ненужного человека необходимо должно вызвать потребность в уяснении типа человека нужного; правдивое изображение среды, страдающей болезненными раздражениями мысли, неизбежно приведет к представлению возможности такой среды, где подобные раздражения допускаются только как исключения» [10. С. 191].

Такое соединение проблемы «нужного человека» и «правдивого изображения среды» представляется чрезвычайно важным для понимания русской литературной ситуации 30–40-х годов XIX века. Именно стремление к «правдивому изображению» (как оно понимается в эту эпоху) приводит в итоге к утрате сколь-нибудь убедительного литературного героя (у А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, писателей «натуральной школы»). «Несоразмерный миру герой» становится общим местом наиболее ярких литературных творений эпохи (при этом не важно – «несоразмерно малый» или «несоразмерно большой»).

Нам уже ранее приходилось говорить о литературном герое, имея в виду его особый статус в художественном произведении, как о совершающем «активно-ответственный поступок» [6, 7].

То, что литературный герой является «центром исхождения поступка», определяет вместе с тем его центральное положение в содержании художественного произведения с его познавательно-этической направленностью. По определению М.М. Бахтина, «непосредственно этически лишь самое событие поступка (поступка – мысли, поступка – дела, поступка – чувства, поступка – желаний и пр.) в его живом свершении и внутри самого поступающего сознания; именно это событие и завершается извне художественной формой...» [1. С. 37].

В свете такого понимания именно художественная литература объективно выдвинута на передний край общественных этических исканий, а литературный герой, взятый в его «активно-ответственном поступке» становится основным ядром познавательно-этического содержания художественного произведения. При этом следует оговорить, что этически значимым является не результат поступка, его осязаемый продукт – в художественном целом он может быть вовлечен в сферу авторской оценки поступка, – а сам процесс свершения, мотивы его исхождения, не случайность его начала, нравственные истоки должностования поступающего.

По существу, ключевым моментом «непосредственной этической события поступка» становится внутреннее переживание единственности места поступающего в бытии, план мира в котором ориентируется поступок, то, что М.М. Бахтин называет «архитектоникой мира поступка» [2. С. 53]. «Только признание моей единственной причастности с моего единственного места дает действительный центр исхождения поступка и делает неслучайным начало, здесь существенно нужна инициатива поступка, моя активность становится существенной, должноствующей активностью» [2. С. 47].

Единственность места поступающего в мире не может быть сведена к конкретике его временных и пространственных параметров или, скажем, семейного, социального положения. Она всегда есть (актуальна) для поступающего, но в ней он потенциально заменим другим, а, следовательно, из нее не может рождаться ощущение моей «единственной причастности бытию», в конечном счете поступка. То ощущение единственности места, которое актуализируется в поступке, имеет онтологическую глубину. Только из этой глубины приходит литературному герою ощущение своей невосполнимости в мире (единственным месте), порождающей его «должноствующую активность».

Век расшатался – и скверней всего,

Что я рожден восстановить его [11], –

выстраивает шекспировский Гамлет план мира своего поступка и свою никем незаменимую позицию в нем.

Та онтологическая глубина, из которой исходит ощущение единственности моего места в «событии бытия», как правило, не осознается героем, а переживается в единстве своего поступка. Однако она может становиться и предметом его самоанализа (например, у Ф.М. Достоевского), переводится в понятийный ряд как бы у черты его

живых ощущений и теоретически отстраненных суждений о самом себе. Например, в философской лирике Г.Р. Державина:

Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей бы телесных,
Где начал бы духов небесных,
И цепь существ связал всех мной [9. С. 301].

«Несоразмерный миру» русский литературный герой, актуализированный в 30–40-е годы XIX века, являет собой утверждение невозможности поступка, неопределенности и неопределимости своего места в событии бытия. Именно эта неопределенность его места в мире как точки исхождения поступка и делает невозможным последний. Исторические причины кризиса поступка в русской литературе эпохи не в герое, а в стремительно меняющейся архитектонике мира, в котором должен был реализовать себя его поступок. Именно этот глубокий и совершенно не описанный еще тектонический процесс образовал «бездну между мотивом поступка и его продуктом» (М.М. Бахтин) – явление, которое наружило себя на поверхности, в том числе в напряженной «атмосфере ожидания героя», характеризующей, как мы пытались показать, литературную ситуацию эпохи.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Человек в мире слова. – М., 1995.
2. Бахтин М.М. Проблемы содержания, методологии и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
3. Белинский В.Г. ПСС. – М., 1955. – Т. VIII.
4. Белинский В.Г. Русская литература в 1841 г. // Белинский В.Г. ПСС. – М., 1954. – Т. V.
5. Григорьев А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая // Григорьев А. Сочинения в 2-х т. Статьи, письма. – М., 1990. – Т. 2.
6. Николаев Н.И. К вопросу об уточнении понятия «литературный герой» // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. – № 3. – С. 100–104.
7. Николаев Н.И. Литературный герой в мире поступка // Дискуссия. Ежемесячный научный журнал. – 2012. – № 3 (21). – С. 173–176.

8. Полевой Н. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В. Гоголя // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842 / Сост. В. Березиной, И. Сухих. – Л., 1990.

9. Русская литература – век XVIII. Лирика. – М., 1990.

10. Салтыков-Щедрин М.Е. Напрасные опасения (по поводу современной беллетристики) // Салтыков-Щедрин М.Е. Литературная критика. – М., 1982.

11. Шекспир В. Гамлет / пер. М. Лозинского. – М., 1983.

Referenses

1. Bakhtin M.M. K filosofii postupka. v kn.: Bakhtin M.M. Chelovek v mire slova. Moscow, 1995.
2. Bakhtin M.M. Problemy sodержaniya, metodologii i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve v kn.: Bakhtin M.M. Voprosy literatury b estetiki. Moscow, 1975.
3. Belinskij B.G. PSS. Moscow, 1955. T. VIII.
4. Belinskij B.G. Russkaya literature v 1841 g. v kn.: Belinskij B.G. PSS. Moscow, 1954. T. V.
5. Grigorev A. Vzglyad na russkuyu literature so smerti Pushkina. Statya pervaya. v kn.: Grigorev A. Sochineniya v 2-kh t. Stati, pisma. Moscow, 1990. T. 2.
6. Nikolaev N.I. K voprosu ob utochnenii ponyatiya «literaturnyy geroy». Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i cotsialnye nauki». 2012. no. 3. pp. 100–104.
7. Nikolaev N.I. Literaturnyy geroy v mire postupka. Diskussia. Ezhemesyaxhnyy nauchnyy zhurnal. 2012. no. 3 (21). pp. 173–176.
8. Polevoy N. Pokhozheniya Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N.V. Gogolya. v kn. Polevoy N., Polevoy Ks. Literaturnaya kritika: Stati, retsenzii 1825–1842 / Sost. V. Berезinoy, I. Sukhikh. Leningrad, 1990.
9. Russkaya literature – vek XVIII. Lirika. Moscow, 1990.
10. Saltykov-Schedrin M.E. Naprasnye opaseniya (po povodu sovremennoy belletristiki) v kn. Saltykov-Schedrin M.E. Literaturnaya kritika. Moscow, 1982.
11. Shekspir V. Gamlet / Perevod M. Lozinskogo. Moscow, 1983.

Рецензенты:

Нифанова Т.С., д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой германской филологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Северодвинск;

Савелова Л.А., д.ф.н., профессор кафедры русского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Северодвинск.

Работа поступила в редакцию 31.01.2014.